УДК 343.3

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ершов Юрий Геннадьевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления (филиал),
заведующий кафедрой философии и политологии,
доктор философских наук,
профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация
Рассматриваются основные подходы к пониманию природы правового нигилизма, факторы и причины его возникновения. Анализируется специфика взаимоотношений власти и общества в России.

Ключевые понятия:
правовой нигилизм,
власть,
закон.

Становящаяся, неустойчивая российская государственность испытывается рядом исторических вызовов, ответы на которые предопределяют будущее страны. Ценностям правового государства и демократии, закрепленным в Основном законе государства – Конституции, противостоит *правовой нигилизм,* распространивший свои «метастазы» по всему общественно-государственному «телу». Симптоматика заболевания – массовое неуважение к праву и закону, высокий уровень преступности и девиантного поведения. Профессионально несостоятельны чиновники, торгующие своими должностными полномочиями, особенно циничны преступления «правоохранителей», судей и прокуроров. Средства массовой информации переполнены фактами грубого попрания действующего законодательства, элементарного порядка. Это – произвол властей разного уровня, дикие пьяные выходки в самолётах, просроченные платежи за коммунальные услуги и т.п., подтверждающие системность и запущенность тяжкого «заболевания» российского социума. Коррупция вообще превратилась в мощный и самостоятельный сектор экономики, превосходящий по доходам суммарный доход от экспорта сырой нефти, нефтепродуктов и газа [5, с. 4]. Став типичной чертой образа жизни массы людей, нигилизм воспроизводит себя в широких масштабах через ценностные ориентации на беспринципность, достижение личного успеха любыми средствами, в обход и вопреки законам. По-прежнему живучи в повседневной, бытовой культуре криминальные ценности, создающие соответствующие антиправовые установки. Вносит свой вклад в привыкание к злостным нарушениям закона романтизация уголовного мира в низкопробных сериалах и криминальном «чтиве». Впрочем, ничуть не лучше в этом смысле и «жегловские» методы восстановления справедливости. Рутинными стали обличающие преступность декларации политиков и чиновников, рутинны многочисленные публикации о причинах и формах правового нигилизма, никак не влияющие ни на правовую культуру общества в целом, ни на деятельность властей предержащих.

Нигилизм как социокультурный феномен существует в различных видах – в зависимости от специфики сферы деятельности и общественных отношений. Нигилизм бывает моральным, эстетическим, политическим и т.д.; в реальной жизни все его виды тесно переплетены, так же как и

соответствующие виды ценностно-нормативного регулирования. Нас в первую очередь интересует правовой нигилизм в силу масштабов его воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государства, общий социальный порядок. При этом нельзя упускать из виду взаимообусловленность и взаимовлияние различных модусов нигилизма. Трудно рассчитывать на законопослушание людей, не отягощённых нравственными принципами; в свою очередь, разлагающе влияет на моральные качества личности её привыкание к повсеместным нарушениям справедливости, жизни по правилам, чуждым ценностям права.

Правовой нигилизм вносит существенный вклад в создание неблагоприятной среды для нормального воспроизводства культуры и общественных отношений, полноценного развития личности. Стимулируя антиправовые устремления различных социальных субъектов, правовой нигилизм превратился в реальную угрозу не только обычному нормативному порядку, но и любым попыткам придать обществу необходимую динамику, решать злободневные вопросы преодоления кризиса в самых различных сферах социума. Рост преступности стимулирует правовой нигилизм и одновременно является его результатом.

Подобное положение дел вполне характерно для государств, переживающих кардинальную ломку всей системы общественных отношений, резкое изменение системы ценностно-нормативной регуляции. Типичной чертой такого состояния общества является резкое ослабление государства, сопровождающееся архаизацией и патернализацией властных отношений, приоритетом неформальных правил перед кодифицированным правом и официальными институтами. Скрытое разрушение государственности чревато утратой социокультурной преемственности, социального опыта, фрагментацией индивидуальной и коллективной жизни. Сложное, разноречивое и мучительное рождение новых форм социального бытия протекает в массе противостояний и конфликтов, столкновении интересов и ценностей различных субкультур.

По этому поводу отмечается, что «при модернизации, т.е. переходе от традиционного общества к индустриальному, сегментарная модель традиционного общества с немногочисленным набором ясных, однозначно трактуемых норм, предписаний уступает место социуму, в котором индивиду не так просто среди совокупности подчас противоречивых и многочисленных образцов и стандартов поведения выбрать достойные повторения» [4, с. 93–94].

Развивая эту мысль, В.В. Кривошеев связывает аномию российского социума с природой современного города, не имеющего эффективных механизмов контроля над поведением индивидов, с условностью и относительностью оценок асоциальных актов в разнородном обществе, наконец, с несоответствием провозглашённых обществом целей поведенческим установкам. Человеческая деятельность всегда регулируется, стимулируется или сдерживается воздействием норм и ценностей – поощряется социально-позитивная, блокируется деструктивная, разрушительная. Когда же нормативно-ценностное единство утрачивается, более того, рушатся нравственные устои, трудно рассчитывать на позитивные девиации, силу набирают массовые деликты и преступления.

Здесь необходимо уточнение. То, что природа современного городского общества сфокусирована на индивидуальной жизни, выдвигает на передний план функционально-ролевые отношения между людьми – факт несомненный. Но позитивные практики современного правового государства и гражданского общества, законопослушание граждан вкупе с сильной полицией заставляют переносить акцент именно на транзитивный, или скорее – промежуточный характер российского общества, в котором разрушены различные формы социального контроля и профилактики преступности, именно поэтому процветает правовой нигилизм.

Сущность правового нигилизма в общем виде можно определить как негативное, а то и агрессивное отношение к праву, законам, нормативному порядку вообще. Правовой нигилизм сопряжён со стойким предубеждением и отрицанием высокого предназначения права, его социальной ценности и гуманистического потенциала. Если нигилизм в самом общем виде есть отторжение и неприятие общественно значимых ценностей, норм, идеалов, то правовой нигилизм концентрированно отрицает правовые ценности свободы, равенства и справедливости, общего блага, противопоставляя им субъективные (личные или групповые) представления («понятия») о должном поведении человека. Правовой нигилизм, как любой вид нигилизма, деструктивен в принципе, поскольку сопровождается отсутствием какой-либо позитивной программы и воплощается в антиобщественном поведении, вандализме и экстремизме.

Его корни – в невостребованности права обществом, противоречии фактических общественных отношений официальному законодательству, своекорыстном эгоизме правящей элиты, отрицающей право как ограничение собственной власти, юридическом невежестве и правовой невоспитанности большинства населения, отторгающего законы и институты государственной власти. В условиях современной цивилизации правовой нигилизм концентрированно обращён против чести и достоинства человека, его личной свободы и разума. Последнее обстоятельство особенно значимо для понимания природы государственной власти в России.

По Н.С. Розову, «специфику «русской власти» можно усмотреть в особом пренебрежении к любым жертвам социального, экономического, гуманистического, экологического, даже территориального характера, которые правители готовы принести ради сохранения и укрепления своей власти» [10, с. 35–36]. Только военной и полицейской мощью «русская власть» почти никогда не поступается, поскольку глубинная основа существования и самосознания её представителей – это принуждение и насилие, способность и готовность именно через них утверждать власть и могущество. Политическая культура нынешней политической элиты разного уровня, во всяком случае значительной её части, концентрируется в стремлении к власти, её удержанию и использованию в личных или корпоративных целях. Право в этом случае традиционно воспринимается как формальный, неполноценный и несущественный фактор влияния на выработку и принятие властно-управленческих решений, впрочем, такова же судьба и других ценностно-нормативных регуляторов – морали, религии, политики. На первое место выходят кулуарные и теневые соглашения, которые базируются на неформальной поддержке тех или иных группировок в политическом классе. Как отмечает А.И. Соловьёв: «...право в сознании большинства представителей политико-административной элиты вне связи с механизмами укрепления их властного положения не только лишается своего ценностного значения, но и вообще утрачивает какую-либо социальную предметность и определённость, – в профессиональном труде в государственной сфере, и в частной жизни» [12, с. 67].

Самостоятельным сюжетом в понимании истоков правового нигилизма последних лет является проблема освоения и действия правовых ценностей российской Конституции, заимствованных, как известно, извне – из практик западных демократий. По мнению Д.Я. Малешина, и в прежние времена заимствования служили источником деформаций – «причиной правового нигилизма в России является несоответствие правовых норм социокультурному типу российского общества. Причём такое несоответствие наблюдается практически во все исторические периоды: правовые нормы не соответствовали общественным нравственным устоям» [7, с. 146].

Автор считает, что российское законодательство в различные исторические периоды строилось либо на основе индивидуалистского, либо коллективистского мировоззрения, но создаваемая правовая культура, ни индивидуалистская, ни коллективистская, не соответствуют культурному коду России и поэтому неизбежно отторгаются, создавая низкий уровень правопорядка. Правда, эта общая идея ровным счётом ничего не объясняет, так как любая культура сочетает в себе указанные признаки. Цитата из Монтескье: «законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа» [9, с. 16], сегодня не менее тривиальна в эвристическом плане.

Можно согласиться с тем, что при создании действующей Российской Конституции в неё бездумно вписали весь спектр прав и свобод человека, зафиксированных в известных международных актах и декларациях, в законодательстве демократических стран. Выстраивая политико-правовой «парадный фасад» новой государственности, мало кто задумывался о возможности и реальности государственных гарантий для провозглашённых прав и свобод, тем более не уравновешенных соответствующими обязанностями. Подавляющее большинство населения не знает и не интересуется содержанием Конституции, равно как и принятой на заре российской государственности Декларации о правах и свободах, о которой сегодня мало кто помнит.

Как отмечает в этой связи Г. Балута: «Властные элиты, которые начинали правовые реформы без учёта народного менталитета, без кропотливой работы по адаптации западных образцов права к российским условиям, склонны отнести свои промахи на счёт специфического общественного сознания россиян» [1, с. 12]. Справедливо утверждается, что рецепция права – естественный процесс, обусловленный требованиями построения новой для страны системы экономики, интеграции в международную систему взаимоотношений. Другое дело, что мировой

опыт свидетельствует: заимствование правовых систем отдельной страной успешно только в случае максимального учёта её вековых исторических ценностей и традиций. В данном случае особое значение имеет... мысль Дж. Ролза, что «законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы, а права, гарантируемые справедливостью, не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» [11, с. 19, 20]. Не вдаваясь в интересное само по себе сравнение трактовок справедливости в разных культурах и цивилизациях, заметим: без решения проблемы справедливости Россия не сможет создать эффективной экономики и органов власти, восстановить духовно-нравственное здоровье общества, добиться повсеместного соблюдения законов и снижения уровня преступности.

Отечественному правосознанию, по мнению Е.А. Лукьяновой, меньше всего подходит латинское выражение «dura lex sed lex» – «закон суров, но это закон», потому что любой закон в душе каждого русского человека всегда подвергается проверке на прочность по принципам «правильно-неправильно», «справедливо-несправедливо» [6, с. 17]. В российской культуре справедливость выступает одной из ключевых ценностей, но понятия «справедливость» и «законность» в общественном сознании не совпадают. Это несовпадение усматривается в отсутствии равенства всех перед законом, равенства возможностей для всех. Справедливость связывается с активной ролью государства в системе социальной защиты, не оставляющей в беде социально уязвимые слои и группы, с различиями в доходах, обусловленными уровнем образования, квалификации и эффективности работы каждого человека. Кроме того, для нормальной жизни общества крайне важны нематериальные ценности и духовные добродетели: солидарность, взаимное уважение, доверие и ответственность между гражданами и т.д., защищённые государством. Конечно, в желательной перспективе развитое гражданское общество могло бы само поддерживать общепринятые нормы поведения, вносить значительный вклад в обеспечение прав и свобод, возможности самореализации личности в различных сферах деятельности. Но в современной России незрелое гражданское общество пока незначительно влияет на политические и государственные решения [3, с. 154–154]. Задачи выработки и реализации консенсусов различными социальными группами по поводу следования нормам справедливости в их социальными действиями стали исключительной прерогативой государства. Но, к сожалению, проблема справедливости для правящего класса в России практически не существует, разве что в слабой риторической форме.

Граждане России, связывая неравенство в доходах, практики неправосудия и административного произвола с существующей в обществе политико-правовой системой, отрицают её легитимность своим повседневным поведением, решая свои жизненные проблемы в обход законов. Такое отношение к праву, продолжает Е.А. Лукьянова, с удивительным постоянством воспитывается самим государством, принимающим нормы, противоречащие не только национальному, но и общечеловеческому правопониманию и создающие ситуацию, при которой юридические и физические лица вынуждены нарушать закон, чтобы выжить. Естественно, что если в законе заложена несправедливость, он не только не будет исполняться, но и создаст условия для формирования ещё большего неуважения к закону [6, с. 17].

Вместе с тем обращается внимание на парадоксально-причудливое переплетение, с одной стороны, тотального правового нигилизма, а с другой – наивного правового идеализма – переоценки роли и значения права в жизни общества. Как пишет Н.И. Матузов, «оба эти явления, казалось бы разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину политико-юридического бескультурья. В первом случае законы откровенно не уважаются, игнорируются, нарушаются; во втором, напротив, им придаётся значение некой чудодейственной силы, способной одним махом разрешить все наболевшие проблемы» [8, с. 7].

Правовой нигилизм и правовой идеализм имеют общую основу – юридическое невежество, деформированное правосознание, низкую политико-правовую культуру, равно деструктивные по своим последствиям. Борьба с правовым нигилизмом незаметным образом оборачивается феноменами правового фетишизма, волюнтаризма, идеализма. В некоторых случаях, вспоминая Ф. Энгельса, впору говорить о «юридическом кретинизме». Любая реформа, не говоря уже об их системе в рамках модернизационного процесса, требует надёжной правовой основы, но при этом важно иметь чёткое представление о пределах и реальных возможностях

нормативно-правовых актов, способах их реализации. Если законы имеют внеправовой характер, произведены с грубейшими нарушениями законодательной техники, оторваны от реалий жизни, то последствия их применения порождают всё тот же нигилизм, падение их престижа вместе с падением престижа власти. Ещё опаснее порождение недоверия в законодательные, в парламентско-конституционные пути решения назревших проблем.

Критика правового идеализма отнюдь не тождественна отрицанию необходимости правовых идеалов в жизни общества. Просто нельзя требовать от законов, в том числе от Конституции, большего, чем они, выполняя свои функции, могут дать обществу.

В исследовании природы правового нигилизма представляется плодотворным и заслуживающим дальнейшего развития подход Н. Варламовой, выделившей три модуса этого явления. Так, нигилизм может быть *«легистским»,* выражающим негативное отношение к официальному законодательству, воспроизводящим навыки и привычки незаконного и противозаконного поведения. Он становится «социологическим», выражая оценку реально существующего правопорядка как несправедливого. Наконец, собственно *правовой нигилизм* заключается в отрицании ценностей индивидуальной свободы и формального равенства большинством населения, для него характерно отсутствие потребности жить, действовать в соответствии с каким-либо рациональным порядком. Для постсоветской России свойственно распространение всех трёх видов правового нигилизма, причём в их формировании, как точно отмечается, можно увидеть своеобразную цепную реакцию. Так, господство юридического позитивизма («право – это закон») и законодательство, построенное на «праве силы», неизбежно ведут к утрате законом правового содержания, не воспринимаются как средство защиты прав и интересов граждан, не стимулируют соблюдение и уважение нормативного порядка. На этой почве складывается соответствующий внеправовой и незаконный порядок, удобный для властвующей «элиты», аппарата публичной власти, значительной части самого общества. Освобождая от необходимости следовать формально провозглашённым правилам, подобный «порядок» оборачивается анархией и произволом. Закон становится пустой декларацией, вещью для практической жизни малопригодной или вовсе бесполезной – так появляется легистский нигилизм. Конституционно-правовые ценности уходят на периферию общественного сознания; всерьёз напоминают о них только правозащитники. (Кстати, весьма характерно, что и в советском обществе попытки «трудящихся» отстаивать свои права, ссылаясь на Конституцию, трактовались партийными и советскими чиновниками как «злостная политическая демагогия» и верный признак политического инакомыслия.)

Нормативный порядок, воспроизводящий несправедливость, демонстрирующий продажность судов, преступность правоохранителей, обогащение властной верхушки и т.п., оборачивается социологическим нигилизмом. Воспроизводство (в поколениях) неравенства и необоснованных привилегий неизбежно начинает вытеснять из сознания людей ценности свободы, равенства и справедливости, ведёт к отчуждению от власти и рабской покорности. «Социальный порядок, – замечает Н. Варламова, – не признающий права, вытесняет его из ценностной системы общества. Люди привыкают действовать (и мыслить) в узких рамках допустимого поведения. В общественном сознании ценность свободы вытесняется порядком и стабильностью, формальное равенство – равенством социальным (уравниловкой), личность – коллективизмом, но уже не в материальном, а в духовном смысле – людям надлежит не только получать поровну, но и самим быть одинаковыми». Повседневность всем своим рутинным порядком приучает к жизни по неформальным правилам поведения: насилию и произволу, продажности и воровству. Порочный круг замыкается, связь права с личностью утрачивается – правовой нигилизм охватывает подавляющее большинство общества и государства [2, с. 90–91]. В этом порочном круге государство в лице правящей бюрократии нигилистически пренебрегает интересами и правами граждан и социальных групп; последние отвечают нигилистической взаимностью в ответ на правовые требования государства.

1. Балута, Г. Возможно ли преодоление правового нигилизма? [Текст] / Г. Балута // Государственная служба. 2009. № 5. С. 11–13.

2. Варламова, Н. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее... и будущее России? [Текст] / Н. Варламова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1 (30). С. 90–93.

3. Зырянов, С.Г. Гражданское общество в современной России: состояние и перспективы развития [Текст] / С.Г. Зырянов, О.В. Осипов. Челябинск, 2010. 161 с.

4. Кривошеев, В.В. Особенности аномии в современном российском обществе [Текст] / В.В. Кривошеев // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 93–97.

5. Левин, М. Коррупция в России: классификация и динамика [Текст] / М. Левин, Г. Сатаров // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–29.

6. Лукьянова, Е.А. Аморальное право? [Текст] / Е.А. Лукьянова // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 20. С. 16–18.

7. Малешин, Д.Я. Причины правового нигилизма в России [Текст] / Д.Я. Малешин // Закон. 2009. № 1. С. 144–147.

8. Матузов, Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма [Текст] / Н.И. Матузов // Государство и право. 2013. № 10. С. 5–12.

9. Монтескье, Ш. Избранные произведения [Текст] / Ш. Монтескье. М., 1999. 672 с.

10. Розов, Н.С. Специфика «русской власти», её ментальные структуры, ритуальные практики и институты [Текст] / Н.С. Розов // Полис. 2011. № 1. С. 29–41.

11. Ролз, Дж. Теория справедливости [Текст] / Дж. Ролз. Новосибирск, 1995. 536 с.

12. Соловьёв, А.И. Культура власти российской элиты: искушение конституционализмом [Текст] / А.И. Соловьёв // Полис. 1999. № 2. С. 65–80.

References

1. Baluta G. *Gosudarstvennaja sluzhba,* 2009, no. 5, pp. 11–13 (in Russian).

2. Varlamova N. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie,* 2000, no. 1 (30). pp. 90–93 (in Russian).

3. Zyrjanov S.G., Osipov O.V. *Grazhdanskoe obshhestvo v sovremennoj Rossii: sostojanie i perspektivy razvitija* [Civil society in modern Russia: state and prospects of development]. Cheljabinsk, 2010, 161 p. (in Russian).

4. Krivosheev V.V. *Sociologicheskie issledovanija,* 2004, no. 3, pp. 93–97 (in Russian).

5. Levin M., Satarov G. *Voprosy jekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 4–29 (in Russian).

6. Luk'janova E.A. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo,* 2008, no. 20, pp. 16–18 (in Russian).

7. Maleshin D.Ja. *Zakon,* 2009, no. 1, pp. 144–147 (in Russian).

8. Matuzov N.I. *Gosudarstvo i pravo,* 2013, no. 10, pp. 5-12 (in Russian).

9. Montesk'e Sh. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow, 1999, 672 p. (in Russian).

10. Rozov N.S. *Polis*, 2011, no. 1, pp. 29–41 (in Russian).

11. Rolz Dzh. *Teorija spravedlivosti* [Theory of justice]. Novosibirsk, 1995. 536 s. (in Russian).

12. Solov'ev A.I. *Polis*, 1999, no. 2, pp. 65–80 (in Russian).

UDC 343.3

LEGAL NIHILISM: CAUSES AND CONSEQUENCES

Ershov Yuriy Gennadyevich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute – Branch, Head of the Chair of Philosophy and Politology, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Annotation
The author considers the main approaches to understanding the nature of legal nihilism, factors and causes of its appearing. The author analyzes specific correlation between power and society in Russia.

Key concepts:
legal nihilism,
power,
law.